Память о войне с нами навсегда

Школьное сочинение

Случайно среди старых газет нашла совсем пожелтевшие листы школьного сочинения. Оно было написано в феврале 1952 года. Тогда я училась в десятом классе Несоновской средней школы Рогнединского района Брянской области. Тема его была

"Дети войны". Могу предполагать, что учительница дала нам задание написать о том, что мы помним о своей жизни до и во время войны. Тогда уже шел седьмой год после Победы. Из сочинения привожу отдельные выдержки о жизни этого периода.

События, в которых описана жизнь до 1941 года, были о нормальном детстве, просто наивные.

События, которые происходили с нами во время войны, были другого характера. Когда иногда их перечитываю, мне становится страшно до ужаса.

Жизнь до войны

Мы проводили свое время с игрушками, которые делали сами. Конечно, нам в этом помогали родители. Мячики скатывали из овечьей шерсти, кораблики и всякие фигурки вырезали из бумаги. Из соломы и ниток у нас получались красивые фонарики. Такими игрушками украшали и новогоднюю елку.

Сестра Тоня тогда уже умела вязать носки и плести кружева. А мне приходилось этому только учиться.

Летом купались в речке. Где было мелко, там учились плавать. Тогда я чуть не утонула. Когда опускала лицо в воду, хорошо плыла; когда из воды поднимала голову, так сразу тонула. Однажды не рассчитала, опустила голову в воду и доплыла до глубокого места. Подняла голову и стала тонуть. На берегу сидели взрослые ребята. Они меня вытащили, делали искусственное дыхание и спасли мне жизнь.

В центре деревни стоял клуб. Там молодежь устраивала танцы и ставила спектакли. Народу было всегда полным-полно. Иногда, нам, детям, приходилось сидеть прямо на полу перед сценой. Помню, как переживали за Земфиру и Алеко. Это из произведения Пушкина "Цыганы". Их обоих мне было очень жалко.

Родители наши были строгие, но нас не били. Однажды отец в сельмаге купил мне красивое ситцевое платье. Сестра нечаянно вымазала его в деготь, которым смазывали колеса телег. Пятно нельзя было отмыть. Я расплакалась, и меня никак не могли успокоить. Потом выбежала из хаты. За мной никто не пошел - мол, сама успокоится. Зашла в сарай с сеном и решила туда закопаться. Там наткнулась на корыто, в котором осенью рубили капусту. На этот раз бабушка положила в него на хранение поздние груши. Мы их тогда называли "дулями". Они были маленькие, красивые и очень вкусные. Мне от горя ничего иного не оставалось делать, как наесться их досыта и крепко уснуть в сене. В это время в доме была паника. Меня искали не только родители, но и весь деревенский народ. Даже вдоль речки ходили - вдруг утонула. До тех пор искали, пока я сама не вылезла из сена.

Сестра называла меня "подлизой". Потому что, когда отец приходил домой, я к нему забиралась на колени и искала в карманах что-нибудь вкусное. А он меня щекотал до смеха. Помню, поднял меня высоко-высоко, а потом дал большое красное яблоко, которое никак не хотело умещаться в моих двух ладонях.

Был у меня приятель Мишка, который жил по соседству. Такой большой, добрый, рыжий-рыжий, весь в веснушках. От него даже пахло рыжим. Он меня защищал от всех обидчиков.

Мои сверстники во всех играх меня обыгрывали: и в лапту, и в круг, и в чижика, и в классики. Не знаю, может быть, у меня сил не было, потому что я была худой. Хотя и теперь, десятиклассница, не поправлялась. А может, была неловкой, неумелой. Однако старалась, чтобы мои обиды никто не замечал.

Война

В 1941 году кончилось наше детство. А нам-то было всего: брату - 13 лет, сестре - 9 лет, мне - 7 лет, а Лиде - 4 года. Мы сразу стали взрослыми. С войной пришли мучения, страхи, бедствия.

Отец ушел на фронт. Все знали, что немцы быстро наступают, чтобы захватить Москву, слышали о бомбардировках. Но и дети, и все жители деревни даже не представляли, что это такое. Этот ужас запомнился навсегда. Люди не знали, что делать, куда бежать, где прятаться. Для одной группы бомбоубежищем была хата посредине деревни. От страха они заперли изнутри дверь. Другая группа сообразила залезть в погреб. Им

там стало страшно, они вылезли и спрятались в другой хате. Надо же было так случиться, что бомба попала в этот погреб и все разворотила! Они все остались живы.

В это время я с тетей Марусей бежала домой. Она меня тащила за руку. Кругом все грохотало, летели выбитые стекла, что-то мелькало, поднимались тучи пыли, летели куски земли. Прибежали домой. Она закричала: "Алик! Алик!" - это о своем грудном сынишке, который лежал в люльке за печкой.

Вместе с ним она хватает меня за руку, и мы залезаем под полок. Когда чуть утихло, вылезли. Окна были выбиты, на полу лежала убитая собака. На пороге стоял брат Миша с совсем побелевшим лицом. Из руки у него сильно лилась кровь. Когда перелезал через забор сюда, чтобы быстрее спрятаться в доме, ему осколком перебило пальцы.

Взрослые решили срочно уходить от немцев, отступать. Запрягли лошадей, которых было много в деревне, погрузили на телеги все, что могло на них уместиться, посадили детей и стариков. Мы двинулись в другую деревню. Когда пришли, там уже были немцы. Вернулись назад, они и у нас тоже хозяйничали. Лазили по дворам, ловили кур, забивали свиней. Слышны были визги свиней, шум от улетающих кур и крики немцев: "Матка! Куры! Яйки!"

Брат испугался и залез под пол. Немцы зашли в хату - заглядывают под полок, под печку и кричат: "Партизан! Партизан!

Есть?" Хорошо, что не подняли половицу. Иначе у нас уже не было бы Мишки.

Жить стало страшно. В деревне стоял большой немецкий отряд с военной техникой. Заставляли женщин спиливать и вырубать деревья, кусты, сады, потому что очень боялись партизан.

Помню, они перед домом выбросили куски заплесневелого хлеба. А мы, теперь уже голодные дети, стали их хватать и есть. Они стояли вокруг нас и хохотали.

Когда в деревне не было немцев, иногда по ночам приходили партизаны. Они ходили по домам и просили хлеба и что-нибудь съедобное. Зашли к нам, увидели жалкую картину. На полу сидели мама и мы рядышком с ней в лохмотьях. Наверное, мы были похожи на собачат. У нас самих ничего не было. Они нам подали у кого-то взятую буханку хлеба.

В сентябре 1943 года нас освободили. В этом же году сразу заработали школы.

Нашу очень хорошую кирпичную среднюю разбомбили и открыли в другом месте.

А вот начальную оборудовали в пустой хате в нашей деревне.

Не хватало учителей. Моя тетя Надя в 1941 году закончила десять классов, и ее без всякой подготовки направляют учителем начальных классов ближе к Гобикам - за 20 км от нас. Она меня любила и взяла с собой учиться в первом классе. Жили мы у одной старой бабушки. Зима была ранняя, выпал снег. В конце ноября тетя заболела тифом, вся горела и бредила. Помню, как бабушка помогала мне обуться в лапти, и я отправилась домой. Дорогу перемело снегом, и вокруг было много звериных следов. Очень боялась заблудиться. Однако прошла двадцать километров. Мама с другими женщинами увидели меня и со слезами бежали встречать. Тетю Надю привезли домой - и она выжила. С собой учиться теперь она уже забирает двоих детей-сирот своей сестры, которая в это время умерла от той же болезни.

Меня же принимают в нашу школу сразу во второй класс. Я хорошо считала, читала, но не умела писать. Кое-как сама научилась, поэтому плохо пишу до сих пор.

Осенью 1944 года мы убирали картошку на огороде. Почтальон подала маме извещение об отце. Сколько она претерпела с нами, сколько пережила, но такой я ее не видела. Она чуть вскрикнула и упала. Ее парализовало. Мы остались одни с больной мамой. И как мы только смогли тогда выжить? Собирали валериану вдоль речки и другие травы. Кто-то нам принес банку с самогонкой. Настаивали в ней валериану и давали ей по маленькой ложечке. Так наши соседки советовали лечить маму. На воде настаивали травы.

Нам женщины приносили кто картошку, кто лапти, кто онучи, кто что мог. У них тоже ничего не было.

Весной на колхозном поле собирали замерзшую, вернее, уже размерзшуюся картошку. Называли ее "лындиками". Она была противной на вкус, но мы хотели есть. Еще собирали всякую траву: клевер, щавель, лебеду, резали ее, смешивали с мякиной. И у нас получался свой "хлеб".

Во время болезни мамы был такой случай. Таня мыла пол, меня послали за водой. Я принесла в дом воду в ведрах на коромысле! Чуть пригнула колени, и ведра сами по себе стали на пол. От такой жизни потеряла сознание и упала на спину между ведрами. Она подняла меня, положила на полок и подумала, что я умерла. Открываю глаза и вижу - она плачет навзрыд, не знает, что со мной делать, и спешит говорить: "Женечка! Не умирай, не умирай! Я больше тебя никогда не буду посылать за водой!" Мама только смотрела на нас и ничем не могла нам помочь. На следующий год она поправилась.

Мне кажется, что тогда так жили все дети. Многие из них умерли. Мы выжили.

1945 год, 9 мая, Великая Победа! Ликует весь народ!

Такие воспоминания были у десятиклассницы в 1952 году, после семи лет Победы.

Аналогичное, точь-в-точь похожее помним мы и теперь в 2020 году - после 75 лет Победы.

В те страшные военные годы
Фашисты взять Москву стремились.
И не учились мы тогда -
По нашим улицам враги ходили.
Вмиг в жизни стала черной полоса,
А с ней пришли и страх и голытьба,
Разрывы бомб и вражьи голоса,
Сплошной чудо-огонь - "катюш" наших стрельба.
То был сентябрь сорок третьего года,
Так ждали свободу - она к нам пришла,
Все дальше и дальше от нашей деревни
На запад катилась война.
Еще солдаты гибли на войне,
В Европе бойня грохотала,
При всех страданьях, в нищете
Вся наша детвора учиться стала.
Ей школы открывали там,
Куда вела одна дорога, -
К счастливым хатам или целым деревням,
Которые смогли спастись от бомбежек и поджога.
Еще два года шла война,
Родную школу с клубом разбомбили,
И далеко ходила детвора -
В другой деревне нас учили.
По вечерам уроки выполняли,
Горелка нам тогда светила,
Из сажи, свеклы для письма
Умели делать мы чернила.
А мать в лесу дрова рубила,
Из лебеды супы варила
И со слезами на глазах
Нам четверым лапти чинила.
Ведь путь до школы пять километров,
Причем ходьба туда-сюда,
Как мне казалось тогда,
Мы проходили без труда.
Весна и осень без обувки,
А в зиму - лапти, башмаки,
Чуть позже шили себе бурки,
Галоши были к ним нужны.
Галоши бурки протирали
И пятки голые сверкали
У всех идущих впереди
Для тех, кто шел чуть позади.
Но все ж уверенно шагали,
Ведь школа нам была нужна,
И без сомненья, точно знали -
Учились мы тогда не зря.
Не все мы выжили, была жестокая война,
Стучала в окна, в дверь беда
Но, как в былые времена,
Враг был разбит, ликует вся страна!
Все счастливы! Закончилась война!
Страна из ужасающих руин вставала,
Зовет в грядущий светлый путь народ она,
Вновь восстановлены деревни,
Вновь к солнцу поднялись города!

Об этом мы не только помним, но эти кошмары иногда приходят к нам во сне и не дают спать до утра.

Евгения Борисовна СЕМЕНЧУК,
п. Бетлица

На фото из семейного архива: юная Евгения на выпускном вечере в красивом ситцевом платье, сшитом ее тетей Надей, жившей уже к тому времени в Латвии.